

Татьяна ТИХОНОВЕЦ

ТЕАТР ЗДЕСЬ ЕСТЬ

ИЛИ ПРАЗДНИКИ И БУДНИ ХАБАРОВСКОГО ТЮЗА

Как часто бывает в нашей профессии: увидишь какой-нибудь хороший спектакль неизвестного режиссера в незнакомом театре – и вдруг этот режиссер и этот театр начинают все время попадаться тебе на глаза. То встречаешься на фестивалях, которых сейчас много (и хорошо, что много). То читаешь про них где-нибудь и уже радуешься – знаешь о ком и почему. И начинает казаться, что вы знакомы давным-давно.

Так произошло у меня с Хабаровским ТЮЗом. С театром и его художественным руководителем Константином Кучикиным мы познакомились на первом фестивале «Сибирский кот», случившемся в Кемерово в 2008 году. Этот фестиваль детских спектаклей театров Сибири, а также прилегающих к ней территорий, был придуман тогдашним директором Томского ТЮЗа Светланой Бунаковой, и с тех пор бродит за ней по городам и весям, как и положено бродячему коту. А шесть лет назад в Кемерово жюри (под моим председательством) единогласно присудило хабаровчанину Кучикину – до того фактически неизвестному фестивалю за все время – приз за лучшую режиссуру. И дело тут было вовсе не в названии и не в заглавном герое, хотя постановке «Про Кота в сапогах» (пьеса И. Чернышева), казалось бы, на роду должно было быть положено прозвучать на «Сибирском коте». Всякого рода коты, по преимуществу в сапогах, и до, и после того прошло перед глазами великое множество, как правило, в памяти надолго не задержавшись, в отличие от дальневосточной – отлично придуманной и задорно сыгранной – версии знаменитой сказки. Прекрасно помню, с каким изяществом и легкостью сочинялась, прямо на наших глазах, эта совершенно театральная история. Творившаяся фактически «из сора»: как оказывались два артиста

в кухне трактира, где скучала милая томная хозяйка, как начинали игру и как все вокруг преображалось.

Хотелось разглядывать все кухонные предметы – всякие тазы, кастрюли, котлы, чайники, табуреты... Все превращалось в театр. Маленькие куколки (уже потом станет понятно, что Кучикин любит куклу, относится к ней с уважением и часто включает ее в свои театральные фантазии) и большие живые люди так легко менялись местами, что ужасно хотелось к ним, на сцену, поиграть вместе. Потому что вся эта волшебная жизнь, сотворенная художником Павлом Оглуздиным, напоминала то ли любимые детские фильмы, в которых все было по-настоящему, то ли харчевню «Трех пескарей», в которую всегда так хотелось попасть! А артистов было всего четверо – обаятельная Ирина Покутняя и три Александра – Молчанов, Пилипенко и Фарзуллаев.

Константин Кучикин даже не знает, что было сказано главным режиссером одного из участвовавших тогда в фестивале театров: «Я теперь понимаю, как надо сочинять спектакль для детей. Как будто дверь передо мной открылась...» А это, знаете ли, редко услышишь в театре.

Потом, еще на одном «Сибирском Коте» был спектакль «Сказка о Золотом петушке» Музыкальный, пластичный, сложносочиненный, (за что мы его наградили), но и покритиковали, потому что уж очень много было придумано на каждую строку пушкинского текста. И придумано-то здорово, смешно, но все-таки, пушкинский стих рвался, и цельности не возникало. А все равно было понятно, что режиссер талантливый и что фантазии ему не занимать, в отличие от многих унылых иллюстраторов детского театра.

При этом, надо сказать, Константину Кучикину не то чтобы на роду было написано стать

именно худруком ТЮЗа. Да, по окончании Хабаровского института искусств и культуры он одно время работал режиссером одного из дальневосточных молодежных театров – но служил также и в драматическом и даже в кукольном театрах региона. Есть и здесь и еще один немаловажный момент: наверное, нет необходимости объяснять, как трудно сегодня стать режиссером в провинции – не говоря уже о том, чтобы возглавить труппу – имея диплом провинциального института. Артистом – можно, и очень даже хорошим, многие дальневосточные и сибирские театры состоят из выпускников местных вузов. А вот режиссеру пробиться очень сложно. Периферия предпочитает звать, даже на разовые постановки, выпускников петербургской и московских школ, благо их, молодых, рьяных и жаждущих самоутверждения наше время предоставляет в избытке.

Тут дело не столько в том, что нет режиссерских школ в провинции (по большому счету их, конечно, нет, но хорошие педагоги все же имеются), а в том, что не только в аудитории должен воспитываться режиссер,

Художественный
руководитель
Хабаровского ТЮЗа
Константин Кучикин

Сцена из спектакля
«Про kota в сапогах»

но и самим городом, культурной средой, театрами. А с этой средой даже не во всех крупных областных центрах дело обстоит благополучно, в местах, не слишком удаленных от

культурных столиц. Что уж говорить о Дальнем и далеко не самом «театральном» Востоке? Здесь молодой профессионал должен в значительной степени формировать себя сам,

«взрастать» подобно растению на гидропонике. А это мало у кого получается. Вот у Кучикина получилось. Наверное, не сразу. Знаю, что он заканчивал Высшие режиссерские курсы, занимался в семинарах у Л. Хейфеца и А. Шапира. Двадцать с лишком лет, пролеглих между получением режиссерского диплома и назначением на пост худрука были, надо полагать, достаточно интенсивными. Но как бы то ни было, я увидела уже сложившегося постановщика и настоящего театрального лидера, со своим почерком, с несомненно хорошим вкусом (ни одного сомнительного названия нет в репертуаре ТЮЗа!), обладающего не просто необходимым набором режиссерских навыков (этим в наши дни трудно удивить), но умеющего, что называется, «организовать процесс», повести за собой, «зажечь», заставить людей на сцене дышать в унисон, работать на «целое» творческого замысла. Придумать-то идею может и просто образованный и поднаторевший в театре человек, этому есть множество примеров, как правило, не очень удачных, а вот заветное «петушиное» слово шепнуть артисту, на это способны немногие. Кучикин – способен. А еще одно редкое и чрезвычайно важное его качество это осознание вверенного тебе сценического Дома не просто «зрелищным учреждением», где с некоторой периодичностью должны выпускаться отдельные спектакли, но художественной институцией – со своей программой, с высокими целями и ежедневными задачами.

Понятно, что в одиночку такой, стремящийся к идеальной модели, театр не выстроить, не удержать даже руководителю сверходаренному и харизматичному. Не будем тревожить идеи о «театре единомышленников», а просто скажем, что в Хабаровском ТЮЗе подобралась хорошая команда (или, как они именуют себя на сайте «художественно-руководящий состав»). Директор Анна Якунина, главный режиссер Наталья Ференцева, руководитель литературно-драматической части Анна Шавгарова, главный художник Павел Оглуздин, режиссер Ольга Подкорытова, заведующий музыкальной частью Елена Кретова, замдиректора Виктор Фирсов – все

они «местные», все в разные годы закончили Хабаровский институт искусств. Потом кто-то учился дальше, кто-то, по примеру своего будущего худрука, путешествовал по театрам региона, и в один прекрасный момент (не так уж давно) все сошлись в тюзовских стенах. Все достаточно молодые, но уже зрелые люди. Вообще, я убеждена, что в тюзах, раз уж есть у нас такие специальные театры для детей, сегодня должны работать люди, которым далеко до пенсионного возраста. Мы, конечно же, помним о плеяде гениальных старцев отечественного детского театра от Брянцева до Корогодского, мы знаем о примерах, начисто опровергающих этот мой постулат – достаточно упомянуть о РАМТе Алексея Бородина, но «вызова времени», тем не менее, все это знание не отменяет. Слишком уж изменился в последние годы тот самый «главный» тюзовский зритель и какого-то совсем иного разговора он ждет от театра. Безусловно, дети еще нуждаются в сказках, которые рассказывают им с подмостков добрые дяди и тети в ярких костюмах. Но вот подросткам уже явно недостаточно дежурного «Тома Сойера». Они хотят увидеть и услышать каких-то иных героев. Понять что-то про окружающий их непростой мир. И, возможно, про себя.

Для того чтобы удостовериться в том, что в Хабаровске настроены на серьезный разговор с залом и всерьез заняты строительством тюза современного, «нового типа», достаточно взглянуть на репертуар. В обширном – свыше 40 названий! – списке присутствует, разумеется, проверенная временем тюзовская классика (куда ж без нее). Но рядом с «Золушкой» и «Кошкиным домом», «Доктором Айболитом» и «Мухой-Цокотухой» здесь играют Володина и Рощина, Шекспира и Ибсена и даже «Юдифь» немецкого драматурга-романтика Фридриха Геббеля. Но и всего богатства мирового драматургического наследия театру явно недостаточно – они постоянно иницируют собственные, то, что называется «авторские» спектакли, пребывают в вечном поиске оригинальных свежих идей и тех людей, близких им по духу, в содружестве с которыми эти идеи могут осуществиться. Так, например, петербургский

режиссер Яна Тумина, известная, в первую очередь, своими работами в Инженерном театре «АХЕ» осуществила в ТюЗе очень любопытную – уже на уровне названия – постановку «Другое солнце» с подзаголовком «Способы переводы японских хокку» (о других оригинальных проектах, равно как и о смелых репертуарных экспериментах – речь ниже).

Жизнь в этом весьма солидном по возрасту учреждении культуры – театр отметил в уходящем году 70-летний юбилей, а занимаемое им старинное здание благородных пропорций и того старше – постоянно кипит. Во всех смыслах слова «по-юношески». И как зачастую не достает юным организмам 24-х часов в сутках, так и Хабаровский ТюЗ не может удовлетвориться традиционными утренниками и вечерними представлениями. Три года назад они открыли новую сценическую площадку – ночную, уличную – «Театральный дворик». Это в дополнение к тем, то трем, то ли уже четырем разным сценам (они, по-моему, и сами уже запутались в их количестве) под крышей театра. А в прошлом году здесь ввели в обиход практику спецпоказов «Последний трамвай» – зрители до самого открытия занавеса не знают, что именно им покажут в этот поздний вечер. Понятно, что подобные опыты возможны только там, где город доверяет своему театру, чтобы не сказать любит...

Хабаровскому ТюЗу доверяют сегодня не только их земляки. После нескольких лет насыщенной и плодотворной работы Кучикина и его команды театр, как говорится, вдруг «зазвучал», стал медленно, но верно утверждать себя в фестивальном пространстве. В том, что они уже дважды съездили на Международный фестиваль в Сеул (в 2009 и 2012 гг.) нет, наверное, ничего удивительного, если вспомнить, что до Кореи им добираться куда ближе, чем до Урала. Но за последние годы они также успели отметить на Санкт-Петербургском Володинском фестивале, и на фестивале «Я-мал, привет» в Новом Уренгое, два раза поучаствовать в конкурсе «Ново-Сибирского транзита» (2012, 2014), побывали «На пороге юности» (это название смотря спектаклей для подростков) в Рязани и на «Золотой репке» в Самаре.

Тут скептик, возможно, скажет: «Нашли чем гордиться! «Золотой репкой!» И вообще, не пора ли нам перестать мерять состоятельность театра числом его фестивальных поездок? Возможно, в этом театре просто-напросто менеджерская служба хорошо поставлена?!»

В известном смысле все так и есть. И менеджмент в Хабаровском ТюЗе работает на высоком уровне. И новомодная практика поверять все фестивальным аршином тоже, вероятно, не вполне справедлива. Но не стоит забывать, что речь, в данном случае, идет о Хабаровске. Сегодня все – и организаторы театральных смотров, в первую очередь – умеют считать деньги. А нужно ли объяснять, что при нынешних транспортных расценках привезти в европейскую часть страны спектакль с Дальнего Востока будет стоить дороже, чем два из Москвы (или один из Польши, даже с учетом таможенных расходов и гонорара). Так что фестивальным послужной список хабаровчан чего-то да стоит.

Ну а самый главный прорыв случился в 2010 году, когда со спектаклем «Малыш» по пьесе М. Ивашквичуса театр оказался в конкурсной программе «Золотой маски». «Маску» они, понятно, не сняли. (Я помню, какой огромный и качественный конкурс был в тот раз в «малой форме»). А награду получил Петр Наумович Фоменко за свой «Триптих»). Но выглядели не провинциально, даже, пожалуй, слишком радикально для коллектива «с дальних берегов» и к тому же «масочного» неопита.

Периодически пересекаясь с Хабаровским ТюЗом на фестивальных перекрестках, мне, чем дальше, тем сильнее, хотелось побывать, наконец, в этом театре. Увидеть артистов на их родной сцене, так сказать, в естественной среде обитания. Ведь одно дело, когда ты встречаешься с труппой на фестивалях разного уровня (а любой выезд для театра это всегда в большей или меньшей степени стресс, когда всех слегка лихорадит, когда они волей-неволей должны что-то кому-то доказывать) и совсем другая история – повседневное «домашнее» существование. Впрочем, мой визит в ТюЗ был опять-таки связан с фестивалем. Хотя и не вполне обычным. Прошлой осенью в Хабаровске проходил VIII фестиваль-лаборатория «Колесо», который

Pro настоящее

Сцена из спектакля
«Анна Каренина»

проводится по инициативе Российского академического молодежного театра в разных тюзях страны. Формат его принципиально иной, нежели на обычных смотрах. Это не традиционный сбор спектаклей из разных городов и весей, а своего рода самопрезентация: театр-хозяин принимает у себя целый десант из представителей разных сценических профессий и, конечно, критиков, показывает им наиболее значимые с его точки зрения спектакли, демонстрируя свой «товар» лицом. И все это естественно сопровождается сеансами коллективного мозгового штурма – дискуссиями и посиделками, в рамках которых представители тюзовского сообщества пытаются осмыслить свое бытие через призму современного состояния одного конкретного коллектива.

Четыре дня хабаровского «Колеса» были плотно укомплектованы показами, мастер-классами, встречами и обсуждениями. И хотя для театра, принимающего подобный фестиваль – это всегда непростое испытание (он ведь фактически пускает гостей в свою повседневную жизнь, вынужден демонстрировать ее «как она есть», без прикрас), хозяева не ограничились официальной программой,

но постарались максимально театрализовать все отпущенное им время и пространство. Мы то и дело обнаруживали себя внутри некоего постоянного «тотального» перформанса, устраиваемого труппой и призванного обыгрывать бытующие в массовом сознании мифы о Хабаровске. Во время экскурсии по городу нас, откуда ни возьмись, вдруг окружали странные люди в светлых плащах и туго натянутых темных шляпах, более всего напоминавших иностранцев из советских фильмов, не обошлось и без бродивших прямо по площади амурских тигров и медведей и без воспоминаний о обрушившемся на город совсем незадолго до того наводнении. (Я была в зоне затопления. Все вычищено, выметено, только метки остались на зданиях – уровень воды, стоявшей неделями назад.)

Но перформанс перформансом, а основным фестивальным «блюдом», естественно, стали спектакли. Мы посмотрели их шесть – для разных возрастов. Четырехчасовая «Анна Каренина» в драматургической версии Клина, поставленная приглашенным Борисом Павловичем сразу же продемонстрировала и стремление театра к оригинальности, и достаточно высокую

степень его требовательности театра к себе, и его сегодняшние возможности. К текстам Клима можно относиться по-разному. (Мне, например, довольно часто кажется, что этот поток сознания, не ведающий границ времени и пространства, переходит то в «высокую болезнь», то в графоманию). Театр и режиссер отнеслись к этому далеко не самому простому и понятному сочинению чрезвычайно серьезно. Павлович, несколько лет возглавлявший Кировский театр «На Спасской» (бывший ТЮЗ) и сумевший заявить о себе там как об одном из наиболее глубоких режиссеров-интеллектуалов поколения 30-летних, сумел едва ли не идеально разобрать и даже в конечном итоге собрать эту громаду словес и умопостроений. И в разборе, и в исполнении вдруг удивительным образом проявлялась самая природа театра. Да вдобавок и литературы. Перед нами осуществлялось своего рода сценическое исследование, касающееся не только и не столько толстовской Анны, а скорее, таинственных отношений искусства и действительности. А Анн в спектакле было три – Елена Колесникова, Евгения Колтунова и Дарья Добычина – все разные, все странные, но одинаково эффектные и даже завораживающие, при том что каждой из них было суждено подчеркивать какие-то грани характера хрестоматийной героини. Им соответствовали три действия спектакля, каждое под своим недюжинным названием: «Прибытие поезда», «Сны», «Маска смерти. Закон и Миф».

Признаться, я не очень поняла логику самих названий. Равно как и не разобралась до конца, наверное, во всех умопостроениях Клима. Но в спектакле, подкупающем отважной нелинейностью разворачивающейся истории, поразила, в первую очередь, замечательная способность артистов к сосредоточенности, к полной включенности в авторскую мысль, как бы туманна, зачастую, она не казалась. Театр шел ва-банк: пытался активно воздействовать на зрителя и музыкой, и сценической машинерией, но главным оставалась поразительная (повторюсь, в особенности для такого материала) точность существования артистов. Все вроде бы разъято, разъединено, но все вместе составляет единый сценический текст. Не

каждая труппа справится с таким произведением. И далеко не каждый театр вообще решится на постановку, заведомо рассчитанную на сугубое зрительское меньшинство. Денег таким спектаклем явно не заработаешь. (Другое дело – имдж: спустя несколько месяцев после «Колеса» хабаровская «Анна Каренина» была отобрана для показа в рамках «золотомасочной» программы «Новая пьеса» и по слухам прошла на выдавшей виды московской публике с изрядным успехом).

Для большинства же в афише имеется «Изобретательная влюбленная» Лопе де Вега. Великий испанец не одно десятилетие с готовностью подставляет плечо нашим театрам (ведь его пьесы, безотносительно качества спектаклей, неизменно в числе самых кассовых в провинции). И роли там все как на подбор замечательные, и поэзии – море. И артисты, как правило, осваивают поэтический слог, кажется, с превеликим удовольствием. Хабаровчане в этом смысле не стали исключением, хотя из разговора с Кучикиным стало понятно, что здесь стояли и педагогические задачи, и в частности, стремление «подтянуть» сценречь. Действие, как положено по сегодняшним законам, конечно, никак не может происходить согласно авторской воле – в Испании эпохи Возрождения. Режиссер Кучикин и сценограф Андрей Непомнящий переместили его в условную современность. На базу, или на склад, где на стеллажах – огромное количество апельсинов, удивительно нарядных, праздничных. Иногда они рассыпались и катились по полу, буквально завораживая своим солнечным светом. Андрей Непомнящий, чудесный, интеллигентный, светлый человек совсем недавно ушел из жизни. А я теперь, как только вижу апельсины, вспоминаю его. Вот такую картинку он оставил в память о себе.

Все действие происходило под присмотром автора (в роли Лопе – Сергей Мартынов), который весьма разнообразно реагировал на то, что творилось вокруг его сочинения. Иногда пел, иногда задумывался, иногда тревожился. И было за что. Преображение рабочих базы в испанских грандов происходило не сразу. Сначала все играли в испанцев, закутавшись

Pro настоящее

Главный художник
Хабаровского ТЮЗа
Андрей Непомнящий
(1963–2014)

Сцена из спектакля
«Изобретательная
влюбленная»

в полиэтилен. И, к примеру, Люсиндо (Михаил Тычинин) довольно долго бегал в кедах и на цыпочках. А потом как-то незаметно появились и испанские костюмы. То есть, как мы понимали,

идея преображающего мир вокруг себя театра обретала вполне зримые очертания. Не всем исполнителям этот переход удался в равной мере. Вот Елена Колесникова, (настоящая

Театральная провинция

Сцена из спектакля
«Счастливый Ганс»

Сцена из спектакля
«Атлантида, дом 17»

лирическая героиня, не в каждом театре отыщется такая!) мгновенно перевоплощалась в изобретательную влюбленную, а в любовной сцене достигала почти шекспировских высот. Неровное, периодически сбоившее действие то стремилось к клоунаде, то взмывало к любви и поэзии. Очень забавен был Капитан Бернардо (Александр Пилипенко), озорные слуги, хотя за веселой театральной игрой, ушли те смыслы, которые заложены в пьесе – и прежде всего, тема отчаянного стремления к счастью, не всегда достигаемого, но столь манящего.... Увы, кажется, эти смыслы ушли навсегда.

Посмотрели мы и работу театра для самых маленьких – как сегодня принято, интерактивную, играющуюся «на расстоянии вытянутой руки». В мягкой уютной комнате был поставлен спектакль-игра по сказке М. Бартенева «Счастливый Ганс» (режиссер Наталья Ференцева). Здесь царила Тетушка-Подушка, которую с необходимой мерой легкости и характерности играла Ирина Покутняя. Дети сидели и лежали на подушках, а главная Подушка начинала с ними игру, которая постепенно переходила в сказочную историю о счастливом Гансе. Нужно сказать, что несмотря на то, что в спектакле было много живых, обаятельных моментов, собственно, сюжет как-то потерялся, поплыл... Весьма коварный – по сути своей – театральный интерактив как-то увел детей в сторону от умной хорошей сказки. Разыгравшиеся,

полностью увлекшиеся предлагаемыми обстоятельствами «пижамной вечеринки» артисты не сразу заметили, что дети живут своей активной жизнью. При том, повторю, спектакль запомнился многими замечательными деталями: лихо придуманными куклами-животными, теневым театром, забавной игрой в немецкий язык.

Хабаровское «Колесо», безусловно, не могло проехать мимо разнообразной и разнонаправленной «проектной» деятельности ТЮЗа, которой, как уже говорилось, театр уделяет большое внимание, ища и находя партнеров, соратников, доноров. Постановка «Атлантида, дом 17» была создана при поддержке гранта СТД РФ в рамках международного проекта «Дети пишут для театра». Драматургами выступили американские школьники-подростки. Они описали свои проблемы в маленьких

Pro настоящее

Сцена из спектакля
«Хабарова здесь не
было»

сценках, от которых, говоря по совести, хотелось то плакать, то негодовать. Но всю эту грудку сырого «полуфабриката» оформили в более или менее удобоваримую в пьесе драматург-«новодрамовец» Анна Батурина и поставившая, согласно заявленному жанру, «спектакль-лабораторию» Ольга Подкорытова. А главной «фишкой» (в данном случае, наверное, более, чем уместно употребить этот расхожий слэнговый термин из словаря молодых) была в том, что играли американских подростков их хабаровские ровесники в равном партнерстве с артистами театра. В эффектно организованном Андреем Непомнящим стерильном «лабораторном» пространстве жили, мечтали, силились разрешить непосильные для себя вопросы наши подростки – тут уж не столь важно, американцы или русские. Наркотики, рак, проблемы с родителями, которые тебя не понимают, что в Америке, что в России, поиски работы, девчачье тщеславие и комплексы, невозможность справиться с жизнью в одиночку. Юные хабаровчане существовали на сцене удивительно честно. Форма спектакля выдерживалась далеко не всегда, но смыслы они доносили, потому что прекрасно понимали своих заокеанских ровесников. А их, в свою очередь, понимали, слышали ровесники-зрители. И хотя школьников на тюзовскую сцену

первыми вывели не в Хабаровске (тот же Борис Павлович несколько лет тому назад придумал достаточно нашумевший спектакль «Я (не) уеду из Кирова»), эта постановка, без сомнения, уникален. Можно спорить о том, насколько это театр. Возможно, не столько театр, сколько социальная акция. Хотя, на мой взгляд, участие школьников не так уж сильно подорвало авторитет профессионального театра. Зато придало действию ту документальность, к которой так стремится сейчас новая драматургия.

Был показан в эти дни и документальный спектакль «Хабарова здесь не было», поставленный Константином Кучикиным в модном сейчас формате *verbatim*. Он был создан при поддержке Министерства культуры и Творческого объединения «Культпроект», с легкой руки которого так называемые «городские вербатимы» (то есть постановки, сочиняемые во многом «на ходу», черпающие материал для диалогов прямо с улиц и площадей) широким фронтом пошли по стране, а теперь добрались и до «высоких берегов Амура». Поначалу они удивляли, даже будоражили, сегодня, пожалуй, даже приелись. И при том, что ценность подобного эксперимента для каждого конкретного коллектива никто не отменял – как с точки зрения актерского существования, так и исходя из важности осмысления театром

своего *genius loci* – у этого «движения» в целом наблюдается достаточно серьезная проблема. Кажется, что все вербатимы, инициированные «Культпроектом», создаются под одну кальку, апробированным способом «быстроты и натиска». Вот и сейчас было видно, что молодые драматурги Любовь Мульменко и Кристина Квитко не слишком долго размышляли на хабаровские темы. Монологи и сцены, оформленные ими по следам интервью с горожанами, практически не имели внятного драматургического или смыслового стержня. И если бы не местные реалии – амурские тигры, фигура легендарного путешественника Хабарова (именем которого назван город, но который при этом, как выяснилось, так и не добрался до этих мест), то весьма трудно было бы отличить этот текст от «драматической основы» сходных спектаклей про Екатеринбург, Березники, и другие города, созданные по тем же рецептам. И потому я с нежностью вспоминала в зале ТюЗа работы иного толка и другие города – «Жители города К.» Геннадия Тростянецкого в Канском драматическом, или «Короли и капуста» Дамира Салимзянова и глазовского театра «Парафраз» – они, вероятно, не столь строго следовали законам вербатима, но были при этом куда более продуманными и сценичными,

человечными и внимательными к объектам своего исследования. Такие высказывания, может быть, должны рождаться внутри театра без помощи «бригады» драматургов, которым уже давно все равно – Хабаровск ли, Урюпинск ли, лишь бы соответствовать однажды раз и навсегда заданному формату.

При том, что хотя Хабарова на сцене и «не было», взамен было много ловких актерских наблюдений, запоминающихся живых характеров, временами отточенных до блеска репризных сценок, а также интересных, драматичных, но так и не развившихся историй. Дмитрий Дьячков, Олег Дымнов, Наталья Мартынова, Виталий Федоров – в ряде эпизодов раскрылись совершенно неожиданно. Захотелось больше узнать их героев, приблизиться к ним. Но – формат, увы, не предполагал пристального внимания.

Сочинение про Хабаровск возникло в рамках проекта «Живому театру – живого автора», однако, куда более «живой» показалась другая премьера театра, показанная на «Колесе» в тот же день. Спектакль по пьесе Ксении Драгунской «Все мальчишки – дураки» (режиссеры Александр Зверев и Константин Кучикин) на мой взгляд, едва ли не идеальное зрелище для подростков того возраста, когда в театр не

Сцена из спектакля
«Все мальчишки – дураки»

загонишь ничем, кроме как учительскими угрозами или родительским шантажом. Его почти невозможно описать, как, впрочем, и саму пьесу, довольно рыхлую композиционно. Но подростки, которые обычно пинаются, пихаются, бьют друг друга по головам, затихли примерно на пятой минуте. И смотрели на сцену, открыты. Они «не сразу врубались», как откомментировал сидящий сзади тинейджер.

Думаю, не все «врубались» и к финалу. Во всяком случае, когда я попыталась прочитать свои записи, сделанные по ходу спектакля, то поняла, что это поистине бред сумасшедшего.

А спектакль между тем – вовсе не бред. В нем точно подмечено все, что сопровождает подростка в его взрослении – абсурдность требований, которые ему предъявляют все взрослые, «ужас» школьной жизни (порой ведь, действительно, ужас), вся эта неразбериха с половым созреванием – мальчики-девочки, уже не мальчики, уже не девочки... Или эти страшные чудовища – учителя! Как прекрасно умеют театры показывать их! Вот и Кучикин со Зверевым, видно, натерпелись в свое время. Кого и чего только здесь не было – и аисты, и байкеры на мотоциклах, и драки, лихо выстроенные хореографом Ольгой Козорез, и некое лысое чудовище, в виде живого артиста, которое в какой-то момент свалилось сверху так натурально, что не одна я в зале вздрогнула. Показалось, артист упал и разбился навсегда. Но нет! Это была ловкая подмена. По-настоящему юная, слегка шальная энергия, несущаяся со сцены, буквально ошарашивала и не могла не восхищать. И все это произошло за час с небольшим ни на секунду не останавливающегося и в каждую секунду занимательного действия. Как артисты остались живы после такого спринта, я не представляю.

Хабаровский ТЮЗ «эпохи Кучикина», наверное, не поставил еще главного своего спектакля. Возможно, он пока не отыскал себе оптимального «живого автора». Но театр этот, несмотря на все пробы и ошибки (а может быть, в значительной степени и благодаря им) несомненно, живой. Он пока чутко слышит биение жизни, которая происходит за его окнами. Остается уповать на то, что этот орган

чувств будет служить ему еще очень долго. Ведь с годами это столь необходимое качество притупляется, а то и исчезает навсегда. Много есть театров, которые вроде бы и ставят что-то похожее, вроде бы «жизнеподобное»... Да только жизнь не узнает себя в их спектаклях. Особенно досадно, когда такие вещи случаются в тюзях, которые по определению должны обладать остро восприимчивым слухом. Мне кажется, нет ничего страшнее, нежели такие специальные места, в которых взрослому человеку навсегда внушают отвращение к театру.

В одной литературной компании Андрей Георгиевич Битов с состраданием посмотрев на меня, посочувствовал: «Я слышу, вы все ходите в театр. Как вы его терпите? Меня в детстве привели на оперу, а там дядька в розовых панталонах пел. До сих пор помню, как это было противно». Я даже не нашлась, что ответить. Что тут скажешь! Травму получил выдающийся писатель. А детские травмы, они на всю жизнь.

Хабаровский ТЮЗ придумал себе девиз: «Театр умного детства». Какая простая и правильная формула. И как сложно ей следовать!

... А после вечерних спектаклей в огромных окнах театрального здания вдруг начинается своя удивительная жизнь. Они превращаются в крошечные театральные пространства, отгороженное от других ширмами. И в каждом окне происходит своя история. Писатель пишет книгу, ученый смотрит на звезды в телескоп, портной сочиняет новое прекрасное платье, учительница проверяет тетради, качает головой и думает о чем-то своем, девушка мечтает о любви... Истории сменяют одна другую. А прохожие идут мимо и смотрят. Этот «театр в окнах» полностью доверен фантазии артистов. При мне трехлетний мальчишка слез с плеч идущих мимо родителей и стучался к звездочету. А тот махал ему из окна и звал к себе. А еще рассказывали, какая-то бомжиха приходила и долго, неотрывно смотрела на своего любимого артиста. Конечно, такое чудо здесь можно увидеть не каждый день. Но увидеть возможно.

Вот такая история про Хабаровский ТЮЗ и про увлеченных строителей этого дома, где из мальчишек и девчонок не делают дураков.